

ПАВЕЛ НАУМОВИЧ БЕРКОВ

Незадолго до того как были получены корректуры этого сборника, им отредактированного, 9 августа этого года в полном расцвете своих творческих сил Павел Наумович скончался. Этот сборник он редактировал с особенным вниманием, ибо считал его очень существенным этапом на пути к более полному, всестороннему и объективному изучению творчества Державина и Карамзина.

Павел Наумович завершил также редактуру следующего, девятого, сборника «XVIII век», посвященного Н. И. Новикову и его эпохе, но ему не суждено было принять участие в создании десятого сборника «XVIII век», посвященного, по его замыслу, литературному движению и общественной мысли Петровской эпохи.

Смерть Павла Наумовича — неизмеримая, невозполнимая потеря для советской филологии, для всей современной славистики. С особенной болью и горечью будем ощущать эту утрату мы, кому судьба дала возможность работать вместе с Павлом Наумовичем, пользоваться его советами, обращаться к нему со своими сомнениями и всегда находить помощь, сочувствие, содействие.

Жизнь Павла Наумовича неотделима от истории нашей науки, от созданной им вместе с Григорием Александровичем Гуковским самостоятельной научной дисциплины — истории русской литературы XVIII века.

По инициативе Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова создана была в 1934 г. в Институте русской литературы Группа по изучению русской литературы XVIII века. В 1935 г. вышел первый сборник «XVIII век», подготовленный Группой. С того времени и Группа по изучению русской литературы XVIII века, и наши сборники были постоянным предметом внимания и забот Павла Наумовича. Менялся состав участников сборника, ушли из жизни многие из тех, кто вместе с ним создавал пер-

вый сборник «XVIII век»; приходили новые поколения исследователей; уже ученики учеников его принимают деятельное участие в разработке новых проблем, развивают традиции советской истории русской литературы XVIII века — и во главе всего этого движения неизменно оставался Павел Наумович.

С первых своих шагов в советской науке в середине 20-х годов Павел Наумович сумел органически соединить серьезное, продуманное отношение к новым методологическим принципам марксистской науки с переосмысленными традициями русской филологической науки XIX века, с ее последовательным историзмом, подкрепленным глубоким уважением к историко-литературной данности, к литературному факту, как бы ни было на первый взгляд невелико, ограничено его значение.

Прирожденное чувство демократизма содействовало созданию у Павла Наумовича глубокого убеждения, что литература нации создается не только почином гениев, а и коллективным творчеством всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созданию национальной культуры. И не безликий «процесс», а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считал он всегда подлинным предметом своего изучения. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиным, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах исследования о совершенно неизвестных изданиях или прочно забытых литераторах XVIII века. Воодушевленный, подобно своим учителям и предшественникам, благотворной идеей необходимости сохранять и продолжать традиции национальной культуры, он с особенной любовью писал о тех, кто вооружает память нации материалами и пособиями, — о библиографах, составителях каталогов и, конечно, о своих товарищах по историко-литературным исследованиям.

К систематическому исследованию русской литературы XVIII века Павел Наумович обратился уже в своей кандидатской диссертации — «Ранний период русской литературной историографии. XVIII век и первая четверть XIX века», защищенной им в 1929 г. в Ленинграде. В этой диссертации ошутимо было принципиальное своеобразие его подхода к русской литературе XVIII века.

Каждый факт, каждое литературное явление этой эпохи Павел Наумович понимал и оценивал как закономерно возникшую часть общемирового процесса культурного развития. Твердо усвоенная им идея единства мирового культурного процесса подкреплялась поразительным богатством его знаний и широтой общефилологических и историко-литературных интересов.

Ученый универсальных историко-филологических знаний и интересов, Павел Наумович во многих областях нашей науки оставил о себе прочную память. Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, фольклорист, историк театра — таков его исследовательский диапазон.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин, в каждую из которых Павел Наумович внес нечто свое, весомое, интересное и значительное, особое место занимает история русской литературы XVIII века. Читая его работы не в последовательности их появления, а в хронологии литературного движения XVIII столетия, мы как бы перелистываем страницы большой истории русской литературы XVIII века, создание которой кажется непосильным делом для одного человека. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля русской литературы XVIII века, о котором Павел Наумович не сказал бы своего, всегда точного, дельного, свежего слова. Каждый историко-литературный факт, от сатир Кантемира до «Писем русского путешественника», воспринимается им как выражение живых человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII века. Не книги, а люди, творцы этих книг, — поэты, прозаики, переводчики, журналисты — словом, все многочисленные подразделения многоликой армии литераторов и ученых, создававших русскую культуру XVIII века, были предметом его постоянного исследовательского интереса, оживали на страницах его работ. О своем отношении к героям его работ лучше всего сказал сам Павел Наумович: «Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами... Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и в форме книги».

В 1964 г. Павел Наумович напечатал «Очерк литературной историографии XVIII века» как первую часть своего «Введения в изучение истории русской литературы XVIII века». В предисловии к этому «Очерку» он писал: «Наиболее существенным разделом „Введения“ является третий, содержание которого должна составить современная научная проблематика изучения русской литературы XVIII века».¹ И далее он пояс-

¹ П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Ч. I. Очерк литературной историографии XVIII века. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 7.

няет, каков должен быть характер изложения в этой части «Введения»: «Целью его должно быть введение читателя в гущу тех спорных, нерешенных, по-разному понимаемых различными учеными вопросов, и не частных, а принципиальных, общих, от соответствующей трактовки которых зависит современное состояние и определяются дальнейшие пути развития науки».

Павел Наумович не написал этой книги — третьей части своего «Введения», но целый ряд его работ, хорошо известных всем, кто интересуется историей литературы XVIII века, вводит читателя «в гущу спорных, неразрешенных вопросов» современной науки. Таков, например, его доклад на конференции, посвященной проблемам эпохи Просвещения, в котором он предложил совершенно новую точку зрения на русское просветительство в целом. Прошло десять лет с того времени, когда был прочитан этот доклад, но его научная актуальность, его программность и перспективность стали еще ощутимее и виднее.

Программность — вот отличительное свойство основных историко-литературных работ Павла Наумовича 1950—1960-х годов. Каждая из них содержит не только результаты его собственных разысканий, но и указывает нашей науке пути и цели дальнейших исследований, зовет к новым трудам и открытиям, освещает частную тему, с точки зрения общих задач науки.

Все работы Павла Наумовича последнего времени смотрят в будущее нашей науки, они обращены в первую очередь к молодым поколениям ученых. В них он верил, на них возлагал свои надежды, от них ожидал новых решений важнейших принципиальных вопросов, возникающих в ходе развития науки.

Молодым поколениям ученых Павел Наумович оставил как свое завещание не только десятки им написанных книг и сотни статей, но и то отношение к науке, которое сквозит в каждой его строчке. Он был и остается для нас образцом рыцарского служения науке. Больше всего ненавидел он дилетантизм, ибо наука была для него делом жизни, содержанием всех его мыслей. И лучшее, что мы все можем сделать в память Павла Наумовича, это быть верными его пониманию долга ученого, его совестливому служению научной истине.